
© А.И. ПАВЛОВСКИЙ

tiranosawr@yandex.ru

УДК 140.8

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР: ПАРАДОКС ШУМЕРОВ

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается, что формирование развитых культур древности при переходе от первобытности к первым государствам протекало под преимущественным влиянием природно-климатических условий, которые одинаково действовали на культуры различных по этническому происхождению народов.

SUMMARY. The article explains that the formation of the ancient cultures developed during the transition from the primitive to the first states to proceed under the predominant influence of the climatic conditions that are equally acted on the culture of various ethnic origins of nations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Афразийское» сознание, Восток, гидравлические цивилизации, Запад, историческая динамика культур, кочевая культура Ближнего Востока, оседлая культура Ближнего Востока, первобытное общество, полис, социальная солидарность, структуры родства, цивилизационный подход.

KEY WORDS. "Afro-asiatic" consciousness, East, hydraulic civilization, the West, the historical dynamics of cultures, the nomadic culture of the Middle East, the Middle East settled cultures, primitive society, policy, social solidarity, kinship structures, civilizational approach.

Первая фундаментальная проблема, которая встает перед нами на пути рассмотрения исторической динамики культур — это понимание того, каким образом универсальная первобытность, рассматриваемая большинством теоретиков цивилизационного подхода как младенчество (детство) человечества, могла породить столь разнообразные культурные формы. Автор нигде не встречал адекватного ответа на него, и вряд ли может разрешить его сам. Проблема усугубляется тем, что нам непосредственно недоступно ни одно первобытное общество, не испытавшее на себе влияние развитых культур. Кроме того, все существующие сейчас на планете первобытные общества являются обществами «тупиковой первобытности», то есть обществами, оказавшимися не в состоянии самостоятельно эволюционировать к развитой культуре. И это еще большой вопрос: насколько информация о таких обществах релевантна для понимания первобытных обществ, оказавшихся в состоянии перерастить свою первобытность. Не исключено, что все имеющиеся у нас в реальности первобытные общества маргинальны и представляют собой тупиковые варианты развития. А в этом случае попытка на основании их понимания оценить предшественников существующих развитых культур равносильна попытке использовать исследования горилл и шимпанзе для понимания проточеловека; можно, конечно, но гориллы и шимпанзе сохра-

нились именно потому, что они не эволюционировали в человека, а значит, не обладали теми свойствами, которые делали эту эволюцию возможной.

Тем не менее, при отсутствии окончательного решения указанной проблемы можно все-таки привести некоторые соображения, которые могут пролить свет на процесс формирования многообразия развитых культур из «универсальной» первобытности. Во-первых, достаточно очевидно, что первобытность все же не была столь универсальна. Исследования структур родства К. Леви-Стросса показали, в частности, что в мире среди сохранившихся первобытных обществ существуют все возможные структурные комбинации первичных родственных отношений, правда, географическое их распределение, насколько нам известно, не позволяет говорить о какой-либо логике их распределения по поверхности планеты, то есть нельзя сказать, что племена Латинской Америки предпочитают одни формы, а народы Африки — другие [1; 124-170]. Тем не менее, факт многообразия этих форм позволяет предположить, что и в изначальной первобытности, не тронутой влиянием развитых культур, существовал исходно максимально широкий спектр возможных организационных форм культуры, а соответственно, и задающих эти формы мировоззрений. Теоретически это вполне стыкуется с уже высказанным ранее утверждением, что культура выступает посредником во взаимодействии человека с окружающим миром, а потому приспособление может быть достигнуто посредством различных форм организации общества, а значит, и различных, подчас диаметрально противоположных по ценностям культур.

Во-вторых, следует помнить, что первобытное общество было обществом предельного близкодействия, жизненный мир племен был очень небольшим, и реальное взаимодействие сталкивало эти племена с очень небольшим числом соседей. Само взаимодействие между племенами имело низкую интенсивность, а потому первобытные племена выступали в отношении друг друга скорее не как враги, а как конкуренты за ресурсы, которых было относительно много. Организационно менее эффективные общества могли сохраниться, сдвинувшись из зоны активного противостояния за ресурсы на непопулярные «окраины». Возможно, кстати, что именно такие общества и дожили до наших дней в первобытном состоянии, но этот предполагаемый тезис не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу.

Иными словами, к моменту перерастания первобытности на месте каждого из культурных ареалов предположительно существовало множество племен, различных по организационным формам и культуре, которые описывали спектр существующих возможностей будущих особенностей культуры формировавшегося культурного ареала, но в различных регионах территориально в виде «высоких» культур закрепились лишь некоторые из них.

Почему так произошло? Несмотря на то, что различные организационные формы позволяют достичь приспособляемости человеческого общества к окружающему миру, они все же делают это в разной степени, то есть различные организационные формы обладают различной эффективностью и соотношение этих эффективностей различных организационных форм зависит от особенностей производственной деятельности, необходимой для выживания в тех или иных природно-климатических условиях.

Автор не стал бы преувеличивать, как Ш.Л. Монтескье, зависимость человеческой культуры от специфики местной природы и климата. Практика показывает, что, во-первых, уже сложившиеся культуры могут распространяться далеко за пределы той природно-климатической ниши, в которой они первоначально сложились, а, во-вторых, в условиях близкодействия, свойственного первобытности, вопрос об относительной неэффективности не является критическим. Но речь у нас идет об историческом моменте, когда условия близкодействия сменялись условиями далекодействия, а маленькие общества объединялись в крупные. В этих обстоятельствах резко обострилось прямое взаимодействие между объединяющимися обществами, конкуренция за ресурсы отступила на второй план по сравнению с борьбой за власть, а потому при прочих равных условиях чуть более эффективные общества и стали теми «очагами» кристаллизации, вокруг которых складывались этносы и государства. Чуть менее эффективные общества либо были ассимилированы объединителями, либо оттеснены на периферию, где и законсервировались. На протяжении всей последующей истории шла постепенная деструкция этих маргинальных для данных природно-климатических условий обществ, хотя некоторые из них, возможно, сохранились и до настоящего времени. Иными словами, речь идет о решающем влиянии особенностей природы и климата в очень узком историческом диапазоне, сложившимся только однажды. Вполне можно допустить, что и элемент исторической случайности здесь имел место, ибо сравнительная эффективность работает только в момент непосредственного первоначального толчка к «высокой» культуре, когда силы конкурентов равны, а где именно в пределах ареала начнется этот первоначальный толчок и какие варианты организационных форм будут вовлечены в этот процесс — дело случая.

Некоторые исследователи, говоря о древнейших государствах, не зря употребляют понятия «цивилизации великих рек» и «гидравлические цивилизации». Возникновение первых государств на Ближнем Востоке, где они первоначально и сформировались, было непосредственно обусловлено необходимостью использования этих «великих рек» для организации аграрного производства.

В первую очередь речь идет, конечно, о шумерах и египтянах, с которых, собственно говоря, и начинается история «высокой» культуры. Некоторые исследователи привычно объединяют эти общества; говоря о Древнем Востоке, они выделяют в нем Ближний Восток, Индию и Китай, противопоставляя их вместе с тем Греции и Риму, как условному «Древнему Западу». Вместе с тем, как уже было показано выше, речь идет о принципиально различном цивилизационном статусе каждого из указанных ареалов. Ближний Восток исторически был первым, а «высокие» культуры Индии, Китая и Греции стали результатом модернизационного влияния обществ Ближнего Востока на своих соседей (Рим пока отодвинем в сторону — скорее всего он возник вследствие модернизационного влияния Древней Греции). Таким образом, Древний Восток и «Древний Запад» были генетически связаны, а потому вопрос о столь сильном различии организационных форм и культур, который и был выражен в метафоре противопоставления Запада и Востока, Европы и Азии, нуждается в объяснении. Вопрос усугубляется и тем фактом, что территориальная метафора «Ближний Восток» применимо к древности описывает Древний Египет и Древнюю Месопотамию, которая, в свою очередь, стандартно характеризуется Ас-

сирией и Вавилоном, что как бы снимает вопрос о правомерности распространения гипотезы о сходности с египетской этих культур региона (ассирийской и вавилонской) на шумеров.

Вместе с тем, вопрос о том, можно ли присоединить Шумер к остальным знаковым ближневосточным культурам совсем не праздный, ибо именно это культурное «единство», к которому приплюсовывают и Индию с Китаем, является исходной точкой рассуждения о восточных культурах, о деспотической Азии в противовес демократической Европе; а параллельный генезис высокой культуры в Шумере и Египте подводит основания под теорию о гидравлических цивилизациях (цивилизациях великих рек).

Последовательное сравнение позволяет нам прийти к выводу о концептуальной культурно-идеологической несовместимости египетского и шумерского общества, более того, о совершенном несоответствии шумеров «стандартам» Азии и Востока. Египетское общество авторитарно и деспотично, склонно к обожествлению правителя, требует беспрекословного подчинения. В культуре Египта огромное значение уделяется загробному миру, отчего вся жизнь человека превращается в подготовку к переходу в него, что придает египетскому мировоззрению мистический характер и предопределяет власть и могущество жрецов. Власть наследственна, а поклонение богам замешано на огромной доле страха, ибо боги Египта, даже лучшие из них, совершают порой ужасные поступки. Это очень похоже на Ассирию и Вавилон, но не на шумеров.

Вот что пишут о Шумере: «Однако из работ И.М. Дьяконова стало ясно, что, помимо храмовой земли, в шумерских городах существовала еще земля общины, причем этой общинной земли было значительно больше. Дьяконов подсчитал численность городского населения и сравнил его с численностью храмового персонала. Затем он точно так же сравнил общую площадь храмовых земель с общей площадью всей земли Южного Двуречья. Сравнения получились не в пользу храма. Оказалось, что шумерская экономика знала два основных сектора: хозяйство общины (уру) и хозяйство храма (э)» [2; 46-47]. Итог — экономическое могущество жречества в значительной степени ограничено.

Идем далее: «Даже беглый поверхностный взгляд способен отметить в памятниках египетской, индийской и еврейской культур отчетливую тягу к познанию иного мира, последних тайн жизни и смерти, то есть сильное жреческое начало... Что же касается шумеров, то изучение их политико-хозяйственных документов и памятников словесности позволяет прийти к мысли, что на первом месте в их мироощущении стоит любовь земледельца к месту своей работы и ощущение мирового порядка, основанного на ритмах роста зерновых, с непрерывным обновлением времени в новом году. На втором месте — любовь к красоте и совершенству, отличающая ремесленника. Воинское и жреческое начала отступают на второй план: царь никогда не получает абсолютной власти в стране, даже при условии обожествления; жречество выполняет типично чиновничью (т.е. ремесленную) работу по обслуживанию статуи бога и проведению ритуалов. Кроме того, жречество не отделено от общины и потому не имеет политической самостоятельности» [2; 54-55]. Таким образом, в политическом плане жречество зависимо от общины, царь не имеет абсолютной власти.

Идем далее: «Документы из архивов города Шуррупака (XXVI в.) показывают, что в этом городе люди правили по очереди, причем правитель менялся

ежегодно. Каждая очередь, по-видимому, падала по жребью, не только на то или иное лицо, но и на определенный территориальный участок или храм» [2; 58]. Здесь подчеркивается изначальная выборность царской власти.

И далее: «Следует заметить, что именно афразийским правителям (семитам и египтянам) в древности было свойственно стремление к унификации власти и политическому объединению страны, к обожествлению царя и жесткой иерархизации пантеона. Афразийское сознание любит единство непохожих феноменов, шумерское, напротив, предпочитает множество похожих и даже подобных друг другу вещей» [2; 78]. А вот еще фрагмент: «Г. Зельц в своей недавней статье выдвинул гипотезу о национально-культурной обусловленности принципов смены царя в Шумере. В частности, он пишет о несомненной связи, с одной стороны, между шумерской системой ценностей и выборностью царя, а с другой стороны, между семитской системой ценностей и наследованием престола по отцовской линии» [2; 96]. А здесь дано прямое противопоставление в плане понимания власти шумеров и ассиро-вавилоно-египтян.

А вот о мире мертвых: «Область мира мертвых, напротив, сама требовала постоянной помощи от человека, поскольку нужно было регулярно кормить и поить умерших предков; в противном случае они могли превратиться в голодных злых духов и начать мстить своим живым потомкам жестокими болезнями» [2; 119]. Это совсем не похоже на абсолютизацию загробного мира египтянами.

А если приплюсовать сюда, что в Шумере существовало конкурентное судопроизводство, что шумерские боги гораздо миролюбивее и рассудительнее египетских, что поклонение им в большей степени основано на любви, а не на страхе. «Молитва нехарактерна для шумерской словесности, состоявшей из коллективных песнопений в честь бога, которые всегда сопровождалась жертвами» [2; 245].

Здесь напрашиваются совершенно иные аналогии. Если уж на какую культуру и похожа шумерская, так это на греческую, и С. Крамер косвенно обращает на это внимание: «Подобно Греции гораздо более поздних времен, Шумер в III в. до. н.э. представлял собой объединение нескольких городов-государств, соперничавших между собой за власть над всей территорией страны» [3; 42]. Как и греческая культура, она принципиально чувственна, а не мистична, ориентирована на жизнерадостное освоение окружающего мира, а не служение высшему идеалу, богам или выслуживанию загробной награды. Она так же демократична, признает теоретическое равенство людей перед традицией (моралью), хотя и не перед правом (в них обоих отсутствует развитое правосознание римлян). В ней так же ключевое значение в социальном бытии играет община, воспринимаемая как сообщество потенциально равных и тяготеющая к тому, чтобы включить в себя весь народ.

Эта похожесть Шумера на Грецию непонятна, если подходить к рассуждениям о культуре в терминологии Восток-Запад или Азия-Европа, эта его похожесть на Египет подрывает основы теории цивилизаций великих рек, которые в этом случае оказываются не столь уж и аналогичными. Оказывается необходимым сравнение самих этих великих рек, принципиальная разница которых скрыта метафорой «великие реки».

Агротехническая зона Древнего Египта непосредственно примыкала к Нилу и была единой, что подразумевало отсутствие преград в формировании единого социума, организация же общества подразумевала создание максимальной синхронности и своевременности в осуществлении аграрных мероприятий, многие из которых были обусловлены астрономически, то есть полагались на знания, подлинный научный смысл которых понимался лишь приблизительно. Это требовало очень жесткой власти, мистического понимания посвященности (носителей знания) и единство всей социальной системы, которая выстраивалась наиболее простым образом, как общенародной социальной пирамиды, где сущность человека во многом определялась его статусом, а статус характеризовался посвященностью (приобщенностью к знанию). Агротехническая зона шумерского общества распадалась на отдельные «оазисы», каждый из которых располагался на одном из рукотворных каналов (обработка земли вокруг русла реки была затруднена). Социальная же солидарность должна была обеспечить не синхронность деятельности большой массы людей, по законам, которые никто не понимает, как в Египте, а поддержание ирригационных сооружений, функционирование которых, во-первых, всем понятно, а во-вторых — подразумевает возможность разделения ответственности, когда каждый отвечает за свой участок. В подобных условиях самоидентификация человека привязывала его в первую очередь к своему «оазису» (общине, городу-государству), а не ко всему народу в целом и создавала замкнутое, почти семейное объединение, склонное к демократическому управлению и взаимному признанию в качестве равных вне зависимости от статуса субъектов. В этом отношении Шумер и был похож на Грецию, только там распад на «оазисы» обеспечивался горными грядами, которые разделяли плодородные земли.

Таким образом, мы убеждаемся, что в данном случае природно-климатические условия способствовали установлению в тех или иных зонах обитания человеческих обществ определенных организационных форм и мировоззрений, хотя вряд ли можно утверждать, что это влияние было определяющим. Возможно, действовали и другие факторы. И, что весьма важно, связь территории обитания шумеров с культурными формами определенного вида оказалась не фатальной. Начиная с эпохи возвышения Аккада, происходит постепенное вытеснение шумерской культуры семитической, принесенной переселенцами с юга. Эта новая культура будет нести представления о мире, сходные с таковыми в египетской культуре, и разница природно-климатических условий не сможет этому помешать (впрочем, ранее уже говорилось о способности культуры выйти за пределы своего первоначального места возникновения).

Впрочем, нужно сразу оговориться, утверждение В.В. Емельянова о том, что «стремление к унификации власти и политическому объединению страны, к обожествлению царя и жесткой иерархизации пантеона» [2; 78] свойственно культуре семитов, а также мысль Г. Зельца о том, что существует связь между «семитской системой ценностей и наследованием престола по отцовской линии» [2; 96], являются спорными. Данные особенности мировоззрения и культуры были свойственны не всем семитским племенам, а только тем, которые формировали свое государственное и общественное самосознание в условиях аграрного производства Ближнего Востока, то есть в тот исторический период Древнего мира, о котором и шла речь. Культура арабов, тоже семитов по этни-

ческому происхождению, которая формировала свое государственное и общественное самосознание в условиях кочевого быта в пустыне, не несла в себе этих черт. Отсюда первоначальная выборность вождей арабского халифата, отсутствие их сакрализации в первоначальном исламе, демократичности идеологии исламской уммы и т.д., то есть следует различать культуры кочевых и оседлых семитов.

Кроме того, отсюда следует, что родственное происхождение народов не всегда означает схожесть форм их «высокой» культуры, включенные в различные природно-климатические зоны, они приспосабливались к ним в своем первоначальном порыве государственной и общественной самоорганизации, а затем пытались распространить влияние своего культурного ареала на максимальное расстояние.

И в этом отношении семитические народы первой волны создали культуры, совершенно не похожие на культуру последующих арабов, но сходные с культурами египтян и персов, с которыми их совершенно не связывало единство происхождения. Поэтому, говоря о культурных ареалах Ближнего Востока, где взаимодействовали различные по этническому происхождению народы, было бы более уместно привязывать их наименования не к названию тех или иных этнических групп, а к местности и определяющим особенностям быта, то есть речь должна идти о кочевой и оседлой культуре Ближнего Востока, с той, конечно, оговоркой, что мы не включаем сюда шумеров, но включаем ненегроидные народы Северной Африки.

Еще один важный вывод из приведенного рассуждения заключается в том, что противопоставление Европы и Азии, Запада и Востока оказывается устойчивым мифом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
2. Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 368 с.
3. Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 235 с.